

Отзыв официального оппонента
на диссертацию Дмитрия Андреевича Цыганкова
«Формирование сообщества профессиональных историков в
Московском университете во второй половине XVIII – начале XX века»,
представленную на соискание ученой степени доктора исторических
наук по специальности 5.6.1 – Отечественная история

Диссертация Дмитрия Андреевича Цыганкова посвящена фундаментальной научной теме, связанной со становлением и развитием национальной историографии. Обширное трехтомное исследование Д.А. Цыганкова распадается на Введение, восемь глав, Заключение, список источников и литературы. Дать емкую характеристику столь значительной по объему и содержанию работы непросто. У оппонента нет сомнений, что докторская диссертация Д.А. Цыганкова со временем не только станет важной частью историографии, но и самостоятельным объектом исследований и научных дискуссий.

Рассматриваемая диссертация находится на стыке нескольких востребованных полей исследований современной историографии – истории исторической науки, *university studies*, антропологии науки. Важно, что автор свободно владеет знаниями как об историографии, так и исследовательским инструментарием всех названных областей научного знания.

Структура диссертации Д.А. Цыганкова обоснована и логична. Во Введении автор в соответствии с требованиями диссертационного жанра дает общую характеристику исследования. Она выглядит вполне убедительно. Некоторые сомнения у меня вызывает, пожалуй, только верхняя хронологическая граница диссертации – 1911 год, связанная со смертью В.О. Ключевского (хотя на деле изложение доводится до 1917 г.). С моей точки зрения, логичнее было бы ее так же, как нижнюю границу связать с институциональными изменениями в науке, например, с трансформацией в

1919 г. историко-филологического факультета МГУ в Факультет общественных наук.

Автор обоснованно выделяет в отдельную главу анализ источников и историографии по тематике диссертации, поскольку этот материал, несомненно, носит характер специального и глубокого исследования. Прежде всего нужно отметить, что автор задействовал обширный круг источников самых различных типов и ввел в научный оборот очень значительный материал многочисленных архивохранилищ, в частности, особо стоит выделить материалы фонда Московского университета в ЦГА г. Москвы. Важно, что Д.А. Цыганков с разных сторон и очень аккуратно дал характеристики различных историографических традиций так или иначе связанных с предметом работы. Единственно, чего несколько не хватало рецензенту в этой главе – это полемической заостренности изложения. Ведь схолярная проблематика, связанная со спорами вокруг научных школ, традиционно ангажирована политическими и/или корпоративными позициями участников дискуссий. Например, концепция «научных школ» Б.В. Ананьича и В.М. Панеяха (о которой автор диссертации пишет) вызывала бурную дискуссию и критику с разных сторон. Диссертант же излагает материал максимально нейтрально, а ведь историография (как, кстати, показано и в самой работе Д.А. Цыганкова) – это борьба «идей» и «людей».

Порядок изложения материала диссертации хронологический, в сочетании со специальной характеристикой научных школ и отдельных судеб/творческих портретов историков. Такой подход позволил Д.А. Цыганкову дать широкую панораму исторической науки Московского университета изучаемого периода. В сфере внимания исследователя ведущие историки разных поколений и сфер научных интересов – Ф.Г. Дильтей, Х.Г. Кёльнер, Х.Г. Рейхель, Х.А. Чеботарев, Н.Е. Черепанов, М.Т. Каченовский, М.П. Погодин, Т.Н. Грановский, П.Н. Кудрявцев, С.М. Соловьев, С.В. Ешевский, Н.А. Попов, В.И. Герье, В.О. Ключевский, П.Г. Виноградов, С.Ф.

Фортуатов, В.Е. Якушкин, П.Н. Милоков, Н.А. Рожков, С.А. Котляревский, С.В. Бахрушин, М.С. Корелин, Р.Ю. Виппер, М.К. Любавский, Д.М. Петрушевский, А.Н. Савин, М.М. Богословский, И.И. Иванов, Ю.В. Готье и многие другие.

Очень ценно, что автор параллельно ведет изложение двух сюжетных / тематических линий. Первая линия связана с историей университета, трансформаций его структуры, корпоративными традициями, отношениями преподавательской коллегии и власти. Вторая линия отражает эволюцию научного сообщества университетских историков: с точки зрения карьеры, тематики трудов, практик преподавания, методологии научной работы. Этот подход позволил Д.А. Цыганкову воссоздать яркую и живую и одновременно учитывающую административный, политический и бюрократический контексты картину развития исторической науки. Чтение диссертации Дмитрия Андреевича – настоящее удовольствие еще и потому, что она написана хорошим литературным языком, перед читателем одна за другой открываются страницы истории науки Московского университета. В изложении видна искренняя эмпатия автора по отношению к персонажам его диссертационного труда и в целом к сообществу историков Московского университета. Кроме всего прочего, рецензируемая диссертация – замечательный материал по составлению научной генеалогии московской исторической школы. Вроде бы она широко известна, но я внес в свои представления определенные коррективы вслед за Д.А. Цыганковым, который отталкивается от данных по «оставлению» при университете того или иного молодого историка.

Во второй главе («Формирование ученого сословия в России и историки Московского университета: 1755–1835»), пожалуй, самым большим успехом автора стала реконструкция перехода от дидактического подхода к научным студиям в области исторического знания к собственно научному, связанному с фигурой Михаила Трофимовича Каченовского. Значение этого ученого и как

историка, и как общественного деятеля для традиции Московского университета вполне удалось показать диссертанту.

Третья глава диссертации связана с рассмотрением следующего этапа в истории Московского университета и его исторической школы в 1830-е -1840-е гг. Наблюдения автора здесь вполне убедительны, в том числе относительно процессов научного обновления университета, прихода в его стены нового поколения молодых ученых, ужесточения системы требований к профессорскому преподаванию. Само название главы («Общие условия для формирования сообщества историков в московском университете в эпоху попечительства С.Г. Строганова») могло бы показаться спорным, поскольку аналогичные процессы проходили и в других российских университетах (прежде всего, Санкт-Петербургском). Но Д.А. Цыганков вполне убедительно показывает разногласия между попечителем и министром. Первый по понятиям эпохи был более «либерален». Тут надо, правда учитывать и то обстоятельство, что и т.н. «реакционер» С.С. Уваров следовал «духу времени» и воле императора также до определенного предела, который настал через год после отставки С.Г. Строганова. Эта глава диссертации также интересна тем, что автор реконструирует два разных паттерна поведения профессоров «николаевской эпохи» – М.П. Погодина и Т.Н. Грановского. Рассуждения Д.А. Цыганкова, основанные на обширной источниковой базе интересны и доказательны. В рамках построения диссертанта первый профессор придерживался патерналистской модели университетских отношений и служил государству, а второй служил студентам и обществу. Это справедливо в том смысле, что с первой моделью поведения корреспондировался традиционалистский (охранительный) взгляд на русскую историю, со второй – западнический. Острота противостояния традиционалистов и западников в Московском университете хорошо показана в диссертации на материалах реконструкций Д.А. Цыганкова, посвященных процессу вхождения в корпорацию историков С.М. Соловьева в 1840-е гг., а также на

диссертационных диспутах, «беспорядки» на которых привлекали внимание верховной власти.

Четвертая глава («У истоков профессионализации сообщества историков в Московском университете (1850–1884)») по существу является отдельным системным исследованием университетской исторической науки заявленного периода. Здесь много очень интересных наблюдений. В частности, я бы выделил проведенные диссертантом реконструкции становления практики семинарских занятий на историко-филологическом факультете еще до того, как они были юридически оформлены с введением в действие Университетского устава 1884 г. Другое важное наблюдение Д.А. Цыганкова – демонстрация противостояния «филологов» и «историков», в котором последние выступали как сторонники усиления специализации факультетского преподавания. Тема «классицизма» в российской школе (средней и высшей) XIX – начала XX вв. давно и с разных сторон разрабатывается. Диссертант на примере Московского университета достаточно убедительно показал, что один из важных факторов, который стоял за «классицистической» политикой министров Д.А. Толстого и И.Д. Делянова – это позиция части научного сообщества.

Следующая по хронологии – пятая глава рассматривает «московскую школу историков» с 1884 по 1911 гг. Любопытным ходом диссертанта в этом разделе является выделение двух тем, связанных с мемориальными практиками корпорации (параграфы «Память о Т.Н. Грановском в сообществе московских историков» и «Память о С.М. Соловьеве в сообществе московских историков»). Это оригинальный и продуктивный прием, который позволил Д.А. Цыганкову наглядно показать идейно-корпоративную преемственность разных поколений школы историков Московского университета. Немалое место в этом разделе (помимо характеристик ведущих профессоров) занимает исследование институциональной среды формирования школы, связанной с анализом последствий Университетского устава Александра III. Надо

отметить, что об Университетском уставе 1884 г. есть очень обширная литература. Однако в рассматриваемой главе Д.А. Цыганкову удалось внести в изучение этой тематики немало нового, прежде всего, в части реконструкции конкретных практик, связанных с реализацией этого университетского устава. Например, очень любопытно описание новых стратегий студентов, рассчитывавших на диплом 1-й или 2-й степени, по подготовке дипломного сочинения или сдаче государственных экзаменов.

Как известно, Устав 1884 г. дал мощный толчок развитию приват-доцентуры в российских университетах. Этому институту и посвящена шестая глава диссертации под названием «Институт приват-доцентуры и его роль в специализации исторических занятий на факультете». Эта часть исследования связана с анализом роли т.н. младших преподавателей в развитии исторической школы Московского университета. Такой подход оправдан, поскольку в конце XIX – начале XX вв. основная учебная нагрузка в историко-филологических факультетах российских университетов, в том числе в Московском университете, переходит на плечи приват-доцентуры. Каждый раздел этой главы – отдельный исследовательский этюд, в котором диссертант показывает место того или иного младшего преподавателя в корпорации и системе исторического образования Московского университета.

В седьмой главе автор вновь обращается к изучению личностей и судеб «университетских генералов» – профессоров и членов университетского совета. Каждая из фигур рассматривается как центр влияния на поле исторической науки Московского университета, да и в более широком контексте. Последняя (восьмая) глава диссертации («Московская школа историков в ситуации кризиса Московского университета: 1911–1917») не только носит резюмирующий характер по отношению к вышеприведенному материалу, но и дает комплексную реконструкцию последних лет корпоративной жизни эпохи «старого режима». Надо отметить, что хронологические рамки этой главы несколько шире заявленных – автор дает

фактически характеристику всему межреволюционному периоду. В целом можно согласиться с построениями Д.А. Цыганкова относительно эволюции взаимоотношений власти и университета. Однако утверждение автора о том, что министр А.Н. Шварц «фактически вернул университет к нормам устава 1884 г.» (Т.3., с.198) кажется мне преувеличенным. Если бы реально вернул (основное изменение после 1905 г. – выборы, а не назначение должностных лиц), то, может быть, и последующего известного конфликта между министерством Л.А. Кассо и Московским университетом, о котором повествует диссертант, в такой бы острой фазе и не возникло бы.

В заключении Д.А. Цыганков приводит весьма ценные и аргументированные всем ходом предшествующего изложения наблюдения, которые касаются московской школы историков – этапов ее развития, позиции лидеров, ее тематических ориентиров. С уверенностью можно констатировать, что автору в полной мере удалось решить поставленные в диссертации задачи, а положения, выносимые на защиту, аргументированы всем ходом изложения и аналитическими построениями диссертанта.

Диссертационный труд Д.А. Цыганкова несомненно можно охарактеризовать как крупное научное достижение, полностью отвечающее значению докторской диссертации. Тем не менее, как и любое масштабное новаторское сочинение, диссертация Д.А. Цыганкова не свободна от недостатков или, лучше сказать, спорных суждений, у читателя, естественным образом возникают вопросы, комментарии. Помимо суждений, приведенных выше, отмечу еще несколько проблемных моментов:

- 1) В диссертации есть некоторая несинхронность, обусловленная тем, что персональные судьбы не укладываются в хронологические рамки глав исследования. Например, деятельность С.М. Соловьева описывается специально в главе, посвященной «строгановскому университету», что несколько странно, так как основной этап (в том числе административной по университету) деятельности историка приходится, как известно, на

более поздний период. То же можно сказать и о В.И. Герье, формально большая часть карьеры которого протекала после 1884 года. Начало научной деятельности В.О. Ключевского, напротив, относится к более раннему периоду. Возможно, что автору более логично было бы отказаться от разделов по персонам, распределив материал по хронологически тематическому признаку. Выбранный стиль подачи материала неизбежно ведет в ряде случаев к повторам. Понятно, что если мы говорим о семинарской системе в Московском университете мы не можем не рассказать о семинаре В.И. Герье. Но, если мы говорим в следующем разделе о В.И. Герье, мы не можем не рассказать о его семинарской системе. Также и в случаях неизбежно повторяющихся сюжетов в биографических этюдах, связанных с взаимными коммуникациями историков. Эти повторы не мешают, если читатель обращается к конкретному разделу, но огорчают, если исследование рассматривается целиком;

- 2) Автор, на мой взгляд, иногда слишком увлекается обширными цитатами, страницами приводя в диссертации источники личного происхождения, сопровождая их лапидарными заключениями. Этот подход кажется в диссертационном нарративе спорным, напоминая известный метод «ножниц и клея»;
- 3) Автор отказывается от просопографического подхода, что несколько обедняет исследование. За кадром остается вопрос, сколько было историков в Московском университете? Как менялся характер карьеры, тематика исследований, что происходило с совместительством, академической мобильностью и т.п. Не имея базы данных нам трудно ответить также аргументировано на вопросы об эволюции научной тематики, направления преподавания и т.п.
- 4) В ряде случаев диссертант отходит от общепринятых правил оформления научного аппарата: «глухие» (без названия и описания) ссылки на

документы, не везде указаны номера страниц, не унифицирована в полной мере система сокращений, кстати «Список сокращений» отсутствует в работе как таковой.

Высказанные замечания не влияют на общую очень высокую оценку рассматриваемого диссертационного исследования. Научная новизна диссертации не вызывает сомнений у оппонента. Автореферат в полной мере отражает содержание диссертации, по теме исследования автор опубликовал более 30 научных работ, в том числе 3 монографии, что свидетельствует о высоком уровне апробации работы. Диссертация Д.А. Цыганкова несомненно будет востребована в курсах по истории науки, российской историографии, истории университетов и других сферах, связанных с интеллектуальной и культурной историей России. Д.А. Цыганкову удалось создать не имеющее аналогов в научной литературе картографирование истории московской исторической школы эпохи Российской империи. Убежден, что труд сегодняшнего диссертанта станет настольной книгой всех последующих исследователей этой важнейшей для нашей историографии тематики.

Диссертация Дмитрия Андреевича Цыганкова «Формирование сообщества профессиональных историков в Московском университете во второй половине XVIII – начале XX века» отвечает требованиям, установленным Московским государственным университетом имени М.В. Ломоносова к работам подобного рода. Содержание диссертации соответствует паспорту специальности 5.6.1 – Отечественная история (по историческим наукам), а также критериям, определенным пп. 2.1–2.5 Положения о присуждении ученых степеней в Московском государственном университете имени М.В. Ломоносова, она оформлена согласно приложениям № 5, 6 Положения о диссертационном совете Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова.

Таким образом, Дмитрий Андреевич Цыганков заслуживает присуждения ученой степени доктора исторических наук по специальности 5.6.1 – Отечественная история.

Официальный оппонент:

доктор исторических наук, доцент, профессор кафедры истории России с древнейших времен до XX века Института истории СПбГУ, ФГБОУ ВО «Санкт-Петербургский государственный университет»

Ростовцев Евгений Анатольевич

Контактные данные:

тел.: +7-812-328-94-48, e-mail: e.rostovtsev@spbu.ru ,

Специальность, по которой официальным оппонентом защищена диссертация:
07.00.02 – Отечественная история

Адрес места работы: 199034, Россия, Санкт-Петербург,
Университетская наб., д. 7–9.

Тел.: +7-812-328-94-48, e-mail: spbu@spbu.ru

ЛИЧНУЮ ПОДПИСЬ
Ростовцева Е.А.
ЗАВЕРЯЮ
СПБГУ
УНИВЕРСИТЕТСКАЯ
03.11.2023